

Д. А. Львова¹

канд. экон. наук, доцент кафедры статистики, учета и аудита Санкт-Петербургского государственного университета

АДМИРАЛТЕЙСКИЙ РЕГЛАМЕНТ ПЕТРА ВЕЛИКОГО КАК ПАМЯТНИК УЧЕТА ЭПОХИ МЕРКАНТИЛИЗМА

Без войн капитализм вообще бы
не состоялся.

Вернер Зомбарт

Одно взять — либо воевать, либо
торговать.

Русская народная поговорка

Введение

В этом году исполняется 290 лет со дня издания замечательного документа Петровской эпохи — Регламента «О управлении Адмиралтейства и верфи». С точки зрения современного права его статус был незначителен: регламентом в ту пору называли ведомственную инструкцию или устав соответствующей коллегии, в данном случае Адмиралтейств-коллегии. Такой документ обычно определял состав ведомства, круг его дел, штат, ответственность, делопроизводство и учет. Однако в начале XVIII в. иерархия правовых актов еще не была строго определена, и подлинная правовая и историческая роль Адмиралтейского регламента оказалась значительнее его формального статуса. Судьба Регламента с момента создания и до прекращения действия поставила его в один ряд с важнейшими документами эпохи.

Известно, что Петр лично принимал деятельное участие в подготовке и написании Адмиралтейского регламента. Благодаря его трудам и содействию помощников явился российский нормативный акт нового образца, в котором были соединены европейская правовая культура и российские принципы государственного управления.

В первоначальной редакции Адмиралтейский регламент был опубликован в 1722 г. и сохранял с некоторыми изменениями статус правового акта на протяжении 80 лет. Он действовал при Екатерине I, Петре II, Анне Иоанновне, Иоанне VI, Елизавете I, Петре III, Екатерине II, Павле I. Лишь в период реформы государственного устройства в царствование Александра I он утратил значение и был отменен.

Как источник сведений для изучения петровских преобразований — в статусе, приобретенном им с прекращением действия, — регламент пользовался не-

¹ Эл. адрес: dinalvova@yandex.ru

изменным вниманием исследователей истории русского флота. Первым, кто обратил внимание на этот докумен, как на описание системы управления флотом, был Д. Толстой (1855 г.). О нем писали А. К. Пузыревский (1889), Ф. Ф. Веселаго (1893), К. Г. Житков (1912), Л. Г. Бескровный (1958) и др.

Со второй половины XIX в. Адмиралтейский регламент стал предметом юридических, а затем и экономических исследований. Среди правоведческих следует прежде всего отметить работы Э. Берендтса. Изучая историю петровских регламентов, он, в отличие от других авторов, заметил, что Адмиралтейский регламент имеет особое, отличное от других регламентов происхождение (Берендтс, 1891, 1896). Академик Н. А. Воскресенский, которому принадлежит самое значительное исследование законодательного процесса первой четверти XVIII в., нашел документальные свидетельства близости Адмиралтейского регламента французскому праву и заимствований вошедших в него законодательных норм из французских ордонансов (Воскресенский, 1945). Его исследования позволяют утверждать, что с изданием Регламента произошла смена законодательных источников — от шведских к французским — и, как следствие, изменение принципов российского права. П. Н. Милюков рассматривал Адмиралтейский регламент в контексте предпринятой Петром I реформы государственного хозяйства.

В середине XX в. Адмиралтейским регламентом заинтересовались историки учета. В. Ф. Широкий (1939) первым оценил Адмиралтейский регламент как памятник русской бухгалтерии, «мимо которого невозможно пройти историку учета и который... дает наиболее тщательно и детально разработанные установки по части учета» (Широкий, 1939, с. 63—64). В 1972 г. В. А. Маздоров обратил внимание на реформаторский характер этого документа, положившего начало «переходу к западноевропейским формам учета» (Маздоров, 1972, с. 7).

На рубеже XX и XXI вв. исследования регламента как документа, принадлежащего к источникам принципов российской бухгалтерии, были продолжены Я. В. Соколовым и его учениками. Профессор Соколов назвал издание Адмиралтейского регламента «крупнейшим событием в истории русского учета» (Соколов, 1996, с. 226). Ему принадлежит содержательный анализ установленных регламентом учетных правил, многие из которых он оценил как безусловные новации своего времени. Такими новациями были документальное оформление операций и впервые примененный в России регистр линейной записи. Особенное внимание он обратил на правила регистрации операций с материалами в приходных и расходных книгах, как образец стройной методики контроля движения материальных ценностей (Там же, с. 227).

Работы Соколова явились основой для последующей реконструкции учетных процедур Адмиралтейского регламента: учета адмиралтейских штатов, казны, материалов и расчетов с поставщиками (Львова, 2003). Они помогли в дальнейшем описать и оценить утвержденные Регламентом методы контроля (Каверина, 2003), а также определить роль Регламента в истории регулирования бухгалтерского учета в России (Каверина, 2003; Медведев, Назаров, 2007; Карельская, 2011).

Только эта предварительная большая работа по исследованию и оценке регламента могла привести автора данной статьи к идее соотнести Адмиралтейский регламент с современной ему экономической и правовой концепцией. В качестве исходного было выдвинуто предположение, что положенные в основу Регламента методы учета сложились под влиянием господствующей экономической доктрины — меркантилизма — и явились одним из лучших свидетельств ее прогрессивного и вместе с тем неоднозначного характера.

Меркантилизм Петра Великого

Представление о том, что основой экономических преобразований Петра Великого была доктрина меркантилизма, формируется едва ли не с началом научных исследований Петровской эпохи. Об этом писали, помимо упомянутого ранее П. Н. Милюкова (1892), В. Н. Лешков (1872), А. Г. Брикнер (1876, 1879), В. Гольцев (1878) и др. Общепринятая оценка роли меркантилизма в экономической политике российского императора в конце XIX в. нашла отражение в коммерческой энциклопедии Ротшильда. «Положена была меркантильная система основанием экономических мероприятий», — такой вывод содержится в ней при описании экономической политики начала XVIII в. (Коммерческая..., 1901, с. 205).

Идеи меркантилизма проникли в Россию не позднее XVII в., но в допетровское время были восприняты весьма своеобразно. Известно, что в 1617 г. английский купец и дипломат Джон (Иван Ульянович) Мерик, желая добиться привилегий английским купцам, пытался проповедовать боярам политику меркантилизма и разъяснять принятые в Англии меры покровительства промышленности¹. Беседы Мерика с боярами тогда не имели заметных последствий, однако через пятьдесят лет благодаря усилиям другого предприимчивого человека — воеводы Афанасия Лаврентьевича Ордина-Нащекина меркантилизм формально становится государственной политикой. В 1667 г. царь Алексей Михайлович подписывает подготовленный Нашекиным Новоторговый устав, в положениях которого явны идеи раннего меркантилизма. Этим уставом, помимо прочего, устанавливались пошлины на продажу и мену в России иностранных товаров, а также запреты на вывоз в другие страны российских товаров (кроме товаров, оплаченных золотом и ефимками) и любой монеты, за исключением русских мелких денег.

Покровительствуя российским купцам, Устав воспретил иноземцам торговать в розницу или с приезжими купцами во внутренних городах (т. е. во всех русских городах, кроме портовых), а также не допускал в Москву и другие внутренние города иноземцев без «государевых жалованных грамот» (Соловьев, 1997а, с. 113—114).

Поощряемая законодателем отечественная торговля должна была получить развитие, но этого не случилось. Выигрыш русских купцов от правительственных запретов на иностранную торговлю не шел ни в какое сравнение с убытками, которые они терпели от внешней политики государства. Тяжелые войны Московского государства с соседями обременяли торговлю налогами. На протяжении всего XVII в. торговые и посадские люди платили специальные военные подати, которые устанавливались в доле к выручке, а в некоторые годы к ним добавлялись еще и сборы со двора, установленные в абсолютных суммах. П. Н. Милюков указывает, что только за двадцать пять лет, с 1654 по 1680 г.,

¹ Рассуждения Джона Мерика о меркантилизме пересказал в «Истории России» С. М. Соловьев. О покровительственных мерах по отношению к промышленности речь идет в следующем фрагменте: «Наконец, Мерик объяснил, почему не должно допускать вывоза смолы: если смолу повезут за море, то и пеньку туда же посылать, и царского величества людям никакой прибыли из того не будет, государи и власти не позволяют товар неизготовленный и неисправленный из своей земли отпускать и у людей своих промысел отнимать; из Английской земли в прежние годы шерсть баранью вываживали в другие государства, и от того в английской земле многие люди обнищали было; рассудив то дело поразумнее, королевское величество приказал шерсть вывозить из земли и тем опять бедных людей воскресил, сукна в своей земле делать велел, и теперь лучше тех сукон ни в которых государствах не делают, этим иноземцев-мастеров в Английскую землю привели, землю и подданных обогатили так, что славнее и богаче нашего государя нет между окрестными» (Соловьев, 1995, с. 98).

«дважды собиралась 5-я деньга, пять раз 10-я, один раз 15-я и один раз рублевый сбор с двора — с торговых людей (Милюков, 1905, с. 56). При этом купцы продолжали уплачивать «посадский оклад», внутренние таможенные сборы и, наравне с остальным тягловым населением, постоянно меняющиеся сборы стрельцких, ямских и полоняничных (на выкуп пленных) денег (Там же, с. 50—53). Купцы теряли и в противостоянии с воеводами и ратными людьми, которые не чурались грабежа под видом сбора налогов¹.

Препятствия к развитию торговли усугублялись тем, что армия не только не формировала спроса на товары, но и теснила товарный оборот, заменяя его неденежными расчетами. Вознаграждение и содержание ратникам в допетровской армии часто выплачивалось не деньгами, а продуктами и даже землей. Пополняя слой землевладельцев, они способствовали распространению натурального хозяйства в ущерб торговым отношениям.

В том виде, в каком торговля имела место в допетровское время, она не могла составить основы западной доктрины меркантилизма и, тем более, способствовать ее распространению. В сравнительном исследовании французского и российского меркантилизма допетровского времени В. Гольцев писал, что «меркантильное направление эпохи принимало на Москве очень наивную форму» (Гольцев, 1878, с. 153). С меркантилистскими мерами поощрения торговли сочетались натуральный обмен, сезонность торговли, недостаток в деньгах и большой риск (Там же, с. 132—134).

Свойственное допетровской эпохе противоречие между поощряемым правительством (формально) стремлением купцов торговать и традиционным тяготением экономики к земле и натуральному хозяйству, которое усиливало кормившееся с земли воинское сословие, требовало разрешения. Смысл общественных ожиданий того времени очень точно выразил С. М. Соловьев: «Необходимо было сильное движение, промышленное и торговое, обогащение, соперничество движимого, денег, с недвижимым, землею» (Соловьев, 1997, с. 117).

Направление этому движению, а вместе с ним новая государственная политика были заданы в одном из ранних программных документов Петра I: знаменитом манифесте о вызове иностранцев (1702 г.). Комментируя этот документ, Соловьев подчеркнул две провозглашенные великим императором цели правления: «Внутреннее спокойствие и внешняя безопасность посредством хорошо устроенного войска и обогащение страны посредством торговли» (Соловьев, 1997б, с. 83). «...Со вступления нашего на сей престол, — указано в манифесте, — мы весьма старались сохранить внутреннее спокойствие, защитить государство от внешнего нападения и всячески улучшить и распространить торговлю» (там же, с. 83—84).

В этом документе на годы вперед были определены приоритеты государственной хозяйственной политики, в основу которой Петр положил заботу об армии. «Для достижения сих благих целей, — читаем далее в манифесте, — мы наипаче старались о наилучшем учреждении военного штата, яко опоры нашего государства, дабы войска наши не токмо состояли из хорошо обученных людей, но и жили в добром порядке и дисциплине...» (Соловьев, 1997б, с. 84). Необходимость обеспечения армии становится стимулом развития торговли, а затем и промышленности. Не будет преувеличением утверждение о том, что меркантилистские взгляды Петра и его понимание роли государства в создании общественного богатства складывались в процессе построения регулярной армии.

¹ Устюжане, к примеру, жаловались, что у посадских и уездных людей поборы стрельцов отнимали в год тысяч по пяти и больше (Соловьев, 1997а, с. 124).

Имея в виду необходимость обеспечения армии в течение двух десятилетий, Петр принял несколько решений, призванных поощрять развитие торговли и промышленности. Прежде всего это меры, направленные на преодоление зависимости от иностранных товаров (в том числе при снабжении армии) и оттока денег из страны. Большие привилегии получили создатели заводов и мануфактур: право на ссуды из казны, освобождение от пошлин, право привлекать иноземных мастеров, а также гарантии на покупку продукции за казенный счет (Лешков, 1872, с. 14). В духе меркантилизма были введены запрет на вывоз сырья, необходимого для внутреннего производства и значительные ввозные пошлины на те товары, которые могли быть произведены в России (Соловьев, 1998, с. 532; Лешков, 1872, с. 14; Брикнер, 1876, с. 200)¹.

Государство стимулирует внешнюю торговлю, оказывая содействие в вывозе товаров. С этой целью Петр отдает распоряжение предоставлять купцам для доставки товаров за границу принадлежащие казне корабли. В помощь им он учреждает за границей торговые агентуры — консульства, заключает торговые договоры с иностранными государствами, строит новые гавани (Брикнер, 1876, с. 197—198; Милуков, 1905, с. 397).

Постепенно предметом его заботы становится не столько непосредственная прибыль или убыток казны, сколько общегосударственный интерес и народное богатство. В 1719 г. он распоряжается ликвидировать казенную торговлю товарами (за исключением двух — поташа и смольчуга), «а прочие товары, которые продаваны были из казны, уволить торговлею в народ, токмо с прибавочной пошлиною» (ПСЗ, т. 5, № 3428. Цит. по: Милуков, 1905, с. 397). Во внутренней торговле, таким образом, побеждает «вольный торг» — основа неограниченного роста товарооборота.

По данным европейских источников, к окончанию царствования Петра вывоз товаров за пределы государства превышал привоз на 800 000 руб. ежегодно², казну регулярно пополняли 600 000 руб. ввозных таможенных пошлин (Брикнер, 1876, с. 214). Столь выгодный торговый баланс, как отмечал один из современников Петра — Марпергер (ссылку на него дает Брикнер), показывал «благополучие государства» и согласно доктрине меркантилизма служил мерилом успешности реформы.

Оценивая успехи меркантилистской политики Петра, нельзя тем не менее не отметить, что она осуществлялась своеобразными методами. Либерализм в торговле и промышленности Петр насаждал железной рукой самодержавного правителя. Из многочисленных фактов, иллюстрирующих способы осуществления петровских реформ, приведем для примера один. В начале 1715 г. он издает указ, текст которого гласит: «Завод суконный размножать не в одном месте так, чтоб в 5 лет не покупать мундиру заморского, а именно: чтоб не в одном месте завести; и заводчи, дать торговым людям, собрав компанию, *буде волею не похотят, хотя в неволю* (курсив мой. — Д. Л.), а за завод деньги брать погодно с легкостью, дабы ласковей им в том деле промышлять было» (ПСЗ, т. 5, № 2876. Цит. по: Брикнер, 1876, с. 201).

Первый русский меркантилист и современник Петра I Иван Посошков так опишет условия и правила, сообразно которым в петровское время торговали в России заморские купцы: «А в нашей земле нет им ни малые власти, но волен наш Монарх; а по его Монаршеской воле и мы имеем некоторую часть воли»

¹ В одном из указов Петр I повелел: «Какие фабрики и мануфактуры у нас уже заведены, то надлежит на привозные такие вещи накладывать пошлину на все, кроме сукон» (цит. по: Соловьев, 1998, с. 532).

² По данным саксонского дипломата Лефорта, в 1727 г. из России было вывезено товаров на сумму 2 400 000 руб., ввезено — на 1 600 000 руб.

(Посошков, 1842, с. 123). Прочитируем его и далее: «А еще нашим товарам высокая цена устанется или не устанется, то в Воли Монарха нашего; как он поволит, так то и будет неизменно» (Там же, с. 124). Посошков в русских традициях и интонациях обращает внимание на царское всевластие в сфере свободной, казалось бы, торговли.

В конце XIX в., когда российское законодательство утвердилось как совокупность разных отраслей права, будет дана неоднозначная оценка правовой природе меркантилистских начинаний Петра. В докладе, представленном Московскому юридическому обществу в 1872 г., известный юрист А. М. Фальковский сделает вывод о том, что почти все постановления Петра Великого в области частного права «основаны на началах власти и необходимости и служат доказательством смешения законодательством того времени двух отдельных областей права — частного и публичного» (Фальковский, 1872, с. 18). «Свобода и самоопределение как принципы гражданского права, — добавит он, — подавлялись Петром на каждом шагу преобладающей силой государственного интереса, во имя которого преобразователь России действовал» (Там же, с. 19). «Самостоятельной сферы частной деятельности, независимой от государственного вмешательства, — напишет по этому же поводу другой известный юрист Э. Н. Берендтс, — Петр не знал и знать не хотел» (Берендтс, 1913, с. 41–42). История Адмиралтейского регламента подтверждает эти выводы.

Идеи меркантилизма в Адмиралтейском регламенте

Черты петровского меркантилизма в полной мере отразились в Регламенте «О управлении Адмиралтейства и верфи». В разработке этого документа, в отличие от других регламентов, Петр, неизменно внимательный ко всему, связанному с флотом, участвовал сам¹. В основу Регламента по его указанию были положены нормы Ордонанса Людовика XIV «О войсках морских и арсеналах» от 1689 г.²

Автором французского первоисточника был Жан-Батист Кольбер, маркиз де Сеньеле, в то время морской министр Франции. Являясь, как и его знаменитый отец, сторонником доктрины меркантилизма, он придал ей практическое направление и создал, как позднее выяснилось, образец документа, в котором свойственные этой доктрине меры государственного регулирования экономики были обращены на морские войска.

Ордонанс прежде всего проводил политику покровительства в отношении местной торговли и промышленности при выборе поставщиков флота. Примером могут служить положения, устанавливающие порядок закупок вооружения и довольствия. В редакции перевода от 1715 г. эти положения звучат так: «Повинни хранить в покупке товаров, ружья и амуниции, чтоб все оное было своего государства, и есть ли каким необходимым случаем будут принуждены брать из иностранных земель, тогда повинни о том договор чинить с купцами французского народа, которые их будут становить в арсеналы» (Устав..., 1715, с. 386). Эта норма была заимствована российским законодателем и включена в Адмиралтейский регламент в следующем изложении: «Надлежит смотреть в подрядах

¹ Сохранилось рабочее расписание императора на 1721 г., в котором четыре дня в неделю — с понедельника по четверг — отведены сочинению Адмиралтейского регламента (Павленко, 1973, с. 85). В собственноручных заметках к «Истории Свейской войны» Петр отметил свой вклад в работу над Регламентом: «...через прилежный труд и.в., в котором не повелением токмо, но самым трудом его учинен, где не только утрами, но и вечерами по дважды на день оное делано в разные времена» (Там же).

² Подробнее о происхождении Регламента см.: Львова, 2003.

и в покупке материалов, ружья и амуниции, чтоб оное все было своего Государства, кроме тех, которых в своем государстве сыскать не возможно, или и есть, да негодные; и ежели возможно, то чтоб и выписать из чужих Государств, чрез своих купцов» (ПСЗ, т. 6, № 3937, с. 528).

Меркантилизм, как ранее отмечалось, дал новое направление развитию бухгалтерии. Именно он способствовал повсеместному появлению норм, обязывающих купцов вести торговые книги и отчитываться об имуществе, которое находилось у них в распоряжении¹. Вслед за коммерческой практикой свойственные меркантилизму учетные требования стали применяться и в области государственного хозяйства. Ордонанс Людовика XIV «О войсках морских и арсеналах» впервые закрепил обязанность должностных лиц французского флота и портов вести учетные книги и составлять отчетные ведомости. Такие же правила позднее были установлены и в Адмиралтейском регламенте Петра I.

В записках о России, написанных в 1737 г. для Вольтера, прусский дипломат Иоганн Фиккеродт отметит, что новая система адмиралтейского учета организована «по-купечески» (Широкий, 1939, с. 40). Добавим к этому, что ее купеческий характер имел европейские черты. Другой дипломат, Петр Чаадаев, напишет о Петре I, что «он ввел в наш язык западные речения... из западных книг мы научились произносить по складам имена вещей» (Чаадаев, 1906, с. 77). Благодаря петровскому Регламенту во флотском учете стали использоваться заимствованные из западноевропейской торговой практики понятия «дебет», «кредит» и «бухгалтер». «Торговое» происхождение имели также установленные Регламентом регистры (книги) систематической записи, а способ записи в них с линейным (позиционным) расположением дебета и кредита представлял по существу европейскую письменную культуру бухгалтерии.

Признаки «купеческой» бухгалтерии в Регламенте были настолько очевидны, что дали повод для преувеличенной оценки степени проникновения фундаментальных основ современной бухгалтерии — счетов, двойной записи и баланса — в государственное счетоводство петровской Руси. Основанием для поспешных выводов стали формы графленых учетных книг. На рис. 1 представлена одна из книг, которые по Регламенту надлежало вести адмиралтейскому казначею. Она служила для обобщения текущих операций с денежными средствами и подготовки итоговых месячных и годовых ведомостей. Последние направлялись в Адмиралтейскую коллегию как своего рода формы периодической отчетности.

В. А. Маздоров, именно его можно упрекнуть в поспешности, связал начала регламентации учета по европейским образцам с применением двойной записи и баланса. «Новым порядком учета, — писал он, — создавалась возможность периодически определять с достаточной достоверностью наличие средств в хозяй-

Книга, которая будет ведена из приходной и расходной книги для подачи месячных и годовых ведомостей в Коллегию, как следует											
1 страница		Дебет 1722 года				Кредит					
Месяцы, числа	№ на указах		Страницы	Рубли	Копейки	Месяцы, числа	№ на указах		Страницы	Рубли	Копейки

Рис. 1. Систематический регистр линейной записи по учету денег

¹ См.: (Львова, 2012).

стве в данный момент; в практику счетной работы вводился баланс, до той поры неизвестный в России» (Маздоров, 1972, с. 7). И далее: «...вводился метод двойной записи и составление балансов — сначала в военно-морском ведомстве, а затем в горнозаводском деле, в частности на заводах Урала» (там же).

Единственным основанием для суждения о применении двойной записи могли быть указанные в заголовке таблицы термины «дебет» и «кредит», но его нельзя назвать достаточным. Регламент не оперировал счетами как таковыми и не устанавливал порядка записей на них. Деньги, для учета которых предназначалась приведенная на рис. 1 книга, рассматривались в ряду других ценностей, а отнюдь не в качестве учетного измерителя. И правила их учета были подобны правилам учета, например, материалов.

Для сравнения на следующем рисунке показана книга учета материалов, обязанность ведения которой вменялась офицеру над магазином. Формат книги практически тот же, в ней лишь другие единицы измерения: пуды и фунты.

Книга по алфавиту всем материалам всякого звания, которые имеют быть в магазине по Регламенту, которой учинен будет о качестве и количестве оных, и что есть полученнаго которую надлежит вести как следует											
Надлежит иметь в магазине. 1722 год						Получено в магазин					
Месяцы, числа	№ на указах		Страницы	Пуды	Фунты	Месяцы, числа	№ на указах		Страницы	Пуды	Фунты

Рис. 2. Систематический регистр линейной записи по учету денег

Сравнивая эти книги, уместно обратить внимание еще на один момент. В Регламенте нет указаний относительно процедуры учета денег, в то время как порядок учета материалов описан в нем очень подробно. В наставлении офицеру над магазином, например, указано: «Должен держать журнал, в котором записывать всякого дня прием в магазин и выдачу из магазина всяких вещей, из которого по вечерам вносить прием в приходную, а выдачу в расходную книги, запечатанные и перемеченные по листам в Коллегии Адмиралтейской, именно качество, количество, вес и меру вещей, и указы, по которым принимал у кого, и отдавал кому; и потом из приходных и расходных книг писать порядочно в большую книгу, по положенной форме» (ПСЗ, т. 6, № 3937, с. 574).

В наставлении прямо указано, что учет материалов надлежит вести исключительно в количественном выражении. Как видим, учет денег и натуральный учет материалов не составляли в Регламенте единой системы. В нем нет и не могло быть упоминаний о балансе как о методе обобщения учетных записей и тем более отчетной таблице. В Адмиралтейскую коллегию представлялись рапорты о наличных деньгах (ежедневно), ведомости о приходе, расходе и остатке денег (еженедельно, ежемесячно и ежегодно), ведомости о расходе материалов (еженедельно), о работах, сделанных из материалов (еженедельно) и другие подобные отчеты. Они упоминаются в наставлениях должностным лицам, но не составляют заключительной части нормативного документа, в которой, по современным представлениям, должны трактоваться вопросы отчетности.

Свойственный меркантилизму внимание к движимому имуществу в Регламенте нашло отражение в системе учета материалов. Для нее были характерны:

- документальное оформление операций с материалами;
- установление материальной ответственности должностных лиц, осуществляющих эти операции;

- значительное число детальных и взаимосвязанных учетных регистров;
- вертикальное дублирование и коллация учетных регистров;
- круговая порука при приеме и отпуске материальных ценностей;
- сплошной контроль операций¹.

Пример строго регламентированной процедуры учета материалов вместе с тем хорошо показывает, как сочетались в русской бухгалтерии, как, впрочем, и во французской, идеи меркантилизма, покровительства свободной торговле, с одной стороны, и абсолютизма и регламентации — с другой. Берендтс писал о том, что следование законам Петр понимал сообразно с духом своего времени, т. е. весьма узко. Действовать закономерно значило для него исполнять регламенты, инструкции и указы, т. е. «в точности приказанное, без оглядки» (Берендтс, 1913, с. 41—42).

Сам текст Регламента подтверждает эту оценку петровских принципов законодательного регулирования учета. «Коллегия Адмиралтейская, — указано в нем, — должна все чинить по Регламенту и уставам, а не иначе; разве случится такое дело, о котором для решения по оным примеру сыскать будет невозможно: то об оном доносить Его Величеству. А ежели Его Величество будет в отлучении, а дело случится нужное: то с совета всея Коллегии, определять и решить, и прибавлять к сочиненному Регламенту, и потом Его Величеству о том доносить со временем. И ежели Его Величество изволит тому быть в Регламенте, то останется, а ежели не изволит, то выключится» (ПСЗ, т. 6, № 3937, с. 543). Таким образом, профессиональное суждение Петр признавал лишь в качестве исключительной прерогативы верховной власти.

Отдавая предпочтение движимому имуществу, меркантилизм, если рассматривать его как теоретико-методологическую основу бухгалтерии, налагал на нее определенные информационные ограничения. В Адмиралтейском регламенте мы можем найти признаки, по которым устанавливались эти ограничения. В их основе — введенная Петром в русскую хозяйственную практику классификация имущества на движимое и недвижимое. В наставлении директору Адмиралтейской конторы есть, например, указание брать ведомости от мастеров ежемесячно, с тем чтобы определить, сколько материалов издержано на движимые и недвижимые работы. Следом за этим указанием идет «толк» — толкование, что необходимо относить к указанным видам работ. Приведем его в подлинной редакции Регламента:

«Толк. Недвижимые работы разумеются руровые петли и крючья, блоки для шхотов, вделанные в борты, шхевы в кнехты, боуты, пютенсы, и прочее тому подобное.

Движимое: станки пушечные, кокоры, фонари, крючья и коуши, парусы и веревки всякие, и блоки на такелаж, и прочее тому подобное» (ПСЗ, т. 6, № 3937, с. 565).

Комментируя гражданские реформы Петра I, Фальковский обращает внимание на то, что определенная им классификация имуществ ввела ограничения в праве распоряжаться недвижимостью (Фальковский, 1872, с. 18). Они и в настоящее время приняты в гражданском обороте. Что касается реформ во флоте, то здесь разделение имущества на движимое и недвижимое имело иное назначение и последствия. В том же наставлении сказано: «А что у которого мастера сделано будет движимых работ, те брать у них в магазин, и из магазина раздавать куда надлежит, а не от мастеров быть расходу» (ПСЗ, т. 6, № 3937, с. 565). В приведенной цитате явно стремление установить контроль перемещения движимого имущества, с тем чтобы не допустить его «покражи». Таким образом, «меркан-

¹ Подробнее о процедуре учета материалов в Регламенте см.: (Львова, 2003, с. 96—100).

тельное» деление имущества на «подотчетное» — движимое и «неподотчетное» — недвижимое было признано и в то же время по-своему интерпретировано в Регламенте: движимое имущество рассматривалось в качестве объекта учета не столько в целях сохранения капитала в имуществе, сколько в целях сохранения самих объектов имущества.

В наставлениях Регламента есть свидетельства мелочной заботы о самых незначительных вещах («скважнях» для кошек в амбарных дверях), но в них ничего не сказано о том, как надлежит учитывать самую главную составляющую флотского имущества — корабли. В полном согласии с доктриной меркантилизма недвижимость оставалась вне поля зрения законодателя бухгалтерии.

Единство нормативных предписаний для счетоводства государственных и частных предприятий

В 1951 г. в академическом издании «Исторический архив» был опубликован документ из фонда Берг-коллегии Центрального государственного архива древних актов — «Наказ шихтмейстеру». Этот документ был создан в 1735 г. для особых должностных лиц — представителей Берг-коллегии на частных металлургических заводах. До публикации «Наказ шихтмейстеру» был малоизвестен и, как отмечал один из редакторов «Исторического архива» Н. И. Павленко, «как исторический источник в полной мере никем не использован» (Павленко, 1951, с. 208).

Вскоре после публикации «Наказ шихтмейстеру» был упомянут в известной работе М. В. Птухи «Очерки по истории статистики в СССР» (1955). Описывая организацию хозяйственного учета на уральских заводах, Птуха назвал «Наказ шихтмейстера» в числе источников информации по этому вопросу. Он привел фрагмент документа, из которого становится ясным происхождение методики заводского учета: «Сочинить тебе порядочные книги приходу и расходу деньгам и припасом так, как в Адмиралтейском уставе написано» (Птуха, 1955, с. 50). Это положение «Наказа» позволяет по-новому оценить роль Адмиралтейского регламента в развитии бухгалтерского учета в России. Нормы Регламента, устанавливающие порядок ведения учета, после публикации «Наказа шихтмейстера» можно рассматривать как вневедомственные и внеотраслевые.

Автором «Наказа шихтмейстера» был известный российский государственный деятель В. Н. Татищев. Его экономические воззрения были традиционными для начала XVIII в. В своих «Экономических записках» Татищев, в частности, указывал, что «всем искусным в гражданстве известно, что всякой области богатство, сила и честь происходит единственно от прилежности народа к рукоделию и доброму состоянию купечества» (Татищев, 1951, с. 410). Это высказывание позволило первому исследователю записок П. К. Алефиренко назвать Татищева, и не безосновательно, «убежденным защитником меркантилизма» (Алефиренко, 1951, с. 401).

«Наказ шихтмейстера» был составлен Татищевым во время пребывания в должности управляющего горной администрацией Урала и представлял собой программу государственного регулирования металлургической промышленности. Одну из ключевых ролей в этой программе Татищев отводил правильно организованному учету. Заводской бухгалтерии полностью посвящен второй раздел наказа, озаглавленный «О содержании книг». Этот раздел открывает объяснение, отчего на «партикулярных» (частных) промыслах, где «хотя приход и расход... состоит в воле промышленников» необходимо вмешательство государства в сферу бухгалтерского учета. Таких причин в Наказе названо две: фискальная («для подлинного известия... сколько с чего десятины и пошлины взять») и контроль-

ная («чтоб хозяин во отлучности от прикащиков и управителей обманут не был и о своей прибыли и убытке основательно знать всегда мог») (Наказ..., 1951, с. 211).

В приведенном положении «Наказа» сочетается забота о государственных интересах и купеческой выгоде. Впрочем, Татищев, как подлинный меркантилист, не разделял государственный и предпринимательский интересы, полагая, что все, что выгодно купцу, должно быть выгодно и государству. Отсюда внимание Татищева к сбережению купеческого капитала и следующее распоряжение шихтмейстеру: «Наипаче же того смотреть, чтоб промышленники без довольного достатка излишних к размножению пользы заводской непотребных строеней не начинали и тем своего капитала бесполезно не истощали...» (Наказ..., 1951, с. 222).

В заботах об интересах промышленников Татищев в духе времени не всегда считался с их волей и желаниями. Павленко отмечал, что «В. Н. Татищев был сторонником жесткой регламентации частной инициативы промышленников и требовал активного вмешательства абсолютистского государства в их деятельность» (Павленко, 1951, с. 201). По мнению Павленко, «эти взгляды исходили из неверия Татищева в способность частных предпринимателей должным образом организовать свое промышленное хозяйство» (там же). Схожая оценка практикуемых Татищевым методов управления уральскими заводами дана в энциклопедическом словаре «Брокгауз и Ефрон». Автор статьи о Татищеве замечает, что «правом вмешательства в управление частных заводов Татищев пользовался весьма широко и тем не раз вызывал против себя нарекания и жалобы» (Татищев, 1901).

Одним из поводов для жалоб стало вмешательство Татищева в организацию заводского учета. Руководствуясь соображениями пользы, Татищев решил избрать для уральских частных заводов в качестве официального руководства по бухгалтерии Адмиралтейский регламент как наиболее подробную и обстоятельную инструкцию. Его замысел состоял в том, чтобы ограничить, насколько возможно, самостоятельность заводчиков, о которой он был невысокого мнения.

Татищев не сомневался, что положения Регламента, разработанные для флотской и адмиралтейской бухгалтерии, окажутся годными и для металлургических заводов. Из Регламента (в редакции, утвержденной в 1735 г. императрицей Анной Иоанновной) он перенес в «Наказ шихтмейстеру» перечень бухгалтерских регистров и правила их ведения. Вместе с тем, приспособив Регламент к заводским условиям, Татищев частично изменил его. Некоторые изменения были чисто техническими. Так, для ускорения записей об отпуске сырья, что важно в производстве, позволялось взамен двух книг — «приходной и расходной припасом» и «памятной» — вести одну памятную. Другие изменения носили характер принципиальных. Они дают основание полагать, что Регламент не только дал начало бюджетному учету, но и стал основой для создания учетных норм в промышленности.

Новациями, которые преобразовали бюджетный учет для нужд промышленности, стали указания о денежной оценке припасов и исчислении фактической себестоимости продукции. Цитата из Наказа: «на зделанные во оном ремесле припасы цену расположить, чрез что близ истинны быть может», — не оставляет сомнения в том, что Татищев имел в виду именно калькуляционные расчеты (Наказ..., 1951, с. 214). Несколько ранее в тексте Наказа описывается и процедура расчета: «...перво положиа расходы общие, яко жалованье прикащиком, також все расходы на бумагу, свечи, сало, деготь, плотникам, кузнецам, столярам и прочим, чтоб ко общему содержанию заводов и починке принадлежит, и оные сложа, расположить по числу расхода каждого ремесла» (там же).

В жалобе промышленников императрице Анне Иоанновне нововведения Татищева, которые достойны внесения в летопись истории российской бухгалте-

рии, были представлены как «великое себе отягчение и невозможности» (Наказ, 1951, с. 228). У Татищева были убедительные аргументы в защиту. «Что они написали, якобы книги им содержать по тому наказу невозможно, и заводам вредительно, — парировал он, — оное написали напрасно, ибо порядочно книги содержать труда и опасности меньше, и быть тому весьма нужно» (Наказ..., 1951, с. 231).

Судьба Наказа, несмотря на многочисленные на него жалобы, сложилась довольно удачно. Хотя Анна Иоанновна не утвердила его, Татищев руководствовался его принципами в своей практической деятельности. Павленко пишет, что многие положения «Наказа шихтмейстеру» даже после отзыва Татищева из Канцелярии главного правления сибирских и казанских заводов не утратили своего значения и в течение XVIII в. являлись неофициальным руководством для управления горнорудной промышленностью России (Павленко, 1951, с. 201).

Заключение

В истории Адмиралтейского регламента, таким образом, нашла отражение попытка распространить нормы коммерческого счетоводства на область бюджетного учета. Она интересна по нескольким причинам.

Прежде всего тем, что, будучи документом бюджетного, а не коммерческого учета, Адмиралтейский регламент волей Петра стал проводником идей меркантилизма в российскую бухгалтерию. Интересно и то, что создание и практика применения Регламента позволили определить границы, в пределах которых меркантилистские идеи могут влиять на методику бюджетного учета, и где они неприменимы.

Меркантилизм — в этом мы также можем убедиться на примере Регламента — как нельзя более соответствовал самодержавной воле превращать частное право в публичное, а публичное в частное и регулировать актами публичного права все области деятельности, включая бухгалтерию. История Регламента дает и парадоксальный пример того, как правила коммерческого учета могут быть выведены из бюджетных и основаны на тех же принципах. И наконец, из нее мы узнаем, что может быть общего между военным флотом и меркантилизмом.

Источники

- Алефиренко П. К.* Экономические записки В. Н. Татищева / Предисл. // Исторический архив. 1951. Т. 7.
- Берендтс Э. Н.* О прошлом и настоящем русской администрации (Записка, составленная в декабре 1903 г.). СПб., 1913.
- Берендтс Э.* Барон фон Люберас и его записки об устройстве коллегий в России (Речь, произнесенная на годичном акте Археологического Института 12 мая 1891 г. Магистром С.П.б. Университета Э. Берендтсом). СПб., 1891.
- Берендтс Э.* Несколько слов о «Коллегиях» Петра Великого. Речь, произнесенная на годичном акте Демидовского юридического лицея 30 Августа 1895 г. Ярославль, 1896.
- Бескровный Л. Г.* Русская армия и флот в XVIII в. М., 1958.
- Брикнер А.* Иван Посошков. Ч. 1. Посошков как экономист. СПб., 1876.
- Брикнер А. Г.* Материалы для источниковедения истории Петра Великого // Журнал Министерства народного просвещения. 1879. Август. С. 272—285.
- Веселаго Ф. Ф.* Краткая история русского флота. СПб., 1893. Вып. 1.
- Воскресенский Н. А.* Петр Великий как законодатель. Исследование законодательного процесса в России в эпоху реформ первой четверти XVIII века. 1945 г. Окончательная редакция. Автограф // ОР РНБ. Ф. 1003. № 14.
- Гольцев В.* Государственное хозяйство во Франции XVII в. Исторический очерк. М., 1878.
- Житков К. Г.* История русского флота: период Петровский. СПб., 1912.
- Каверина О. Д.* Санкт-Петербург — колыбель нормативного регулирования бухгалтерского учета / Бухгалтерский учет в Санкт-Петербурге. 1703—2003 / под ред. проф. Я.В. Соколова. СПб., 2003.

- Карельская С. Н.* Становление нормативного регулирования бухгалтерского учета и отчетности в России // *Финансы и бизнес.* 2011. № 1. С. 169—177.
- Коммерческая энциклопедия М. Ротшильда / под ред. С. С. Григорьева. СПб., [1901]. Т. 1.
- Кранихфельд А.* Взгляд на финансовую систему и финансовые учреждения Петра Великого. СПб., 1845.
- Лешков В. Н.* Петр Великий в его указах о народной промышленности // *Юридический вестник.* 1872. Кн. 10, 11 и 12.
- Львова Д. А.* История Адмиралтейского регламента // *Бухгалтерский учет в Санкт-Петербурге.* 1703—2003 / под ред. проф. Я. В. Соколова. СПб., 2003.
- Львова Д. А.* Статистика и учет активов в эпоху меркантилизма // *Финансы и бизнес.* 2012. № 2.
- Маздоров В. А.* История развития бухгалтерского учета в СССР (1917—1972). М., 1972.
- Милюков П. Н.* Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. Изд. 2-е. СПб., 1905.
- Медведев М. Ю., Назаров Д. В.* История русской бухгалтерии. М., 2007.
- «Наказ шихтмейстеру» В. Н. Татищева // *Исторический архив.* 1951. Т. 6.
- Павленко Н. И.* Наказ шихтмейстеру. Предисловие // *Исторический архив.* 1951. Т. 6.
- Павленко Н. И.* Петр I (К изучению социально-политических взглядов) / Россия в период реформ Петра I. М., 1973.
- Посошков И.* Книга о скудости и богатстве. М., 1842.
- ПСЗ — Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. СПб., 1830—1873.
- Птуха М. В.* Очерки по истории статистики в СССР. Т. 1. М., 1955.
- Пузыревский А. К.* Развитие постоянных регулярных армий и состояние военного искусства в век Людовика XIV и Петра Великого. СПб., 1889.
- Соколов Я. В.* Бухгалтерский учет: от истоков до наших дней. М., 1996.
- Соловьев С. М.* Соч.: в 18 кн. Кн. V. Т. 9—10. История России с древнейших времен. М., 1995.
- Соловьев С. М.* Соч.: в 18 кн. Кн. VII. Т. 13—14. История России с древнейших времен. М., 1997а.
- Соловьев С. М.* Соч.: в 18 кн. Кн. VIII. Т. 15—16. История России с древнейших времен. М., 1997б.
- Соловьев С. М.* Соч.: в 18 кн. Кн. IX. Т. 17—18. История России с древнейших времен. М., 1998.
- Татищев В. Н.* Экономические записки // *Исторический архив.* 1951. Т. 7.
- Татищев Василий Никитич // *Энциклопедический словарь / Издат. Ф. Брокгауз и И. Ефрон.* СПб., 1901. Т. 32а.
- Толстой Д.* О первоначальном учреждении и последовавших изменениях в устройстве Адмиралтейств-Коллегии. СПб., 1855.
- Устав о войсках морских и о их арсеналах. Людовика четвертого на десять короля Французского и Наварского. Напечатался повелением Царского Величества. СПб., 1715.
- Фальковский А. М.* О гражданских реформах Петра I // *Юридический вестник.* 1872. Кн. 10, 11 и 12.
- Чаадаев П. Я.* Апология сумасшедшего / пер. под ред. О. М. Гершензона // *Вопросы философии и психологии.* 1906. Кн. 4 (84). С. 75—90.
- Широкий В. Ф.* Историко-экономическое исследование материалов хозяйственного учета в России XVIII в. Законодательные акты и литературные источники: дис. ... канд. наук. СПб., 1939 (на правах рукописи).